

Е.М.Солонович

«РУССКИЙ ДИССИДЕНТ» ДЖУЗЕППЕ ДЖОАКИНО БЕЛЛИ

Статья посвящена той части творчества итальянского поэта Джузеппе Джоакино Белли (1791—1863), содержание которой позволяет говорить о сходстве отдельных эпизодов из жизни Папского Рима с эпизодами из жизни далекой от Рима страны — современной России.

Ключевые слова: Белли, Гоголь, Папа, Брежнев, Горбачев, самиздат

При жизни Белли лишь один из двух тысяч двухсот семидесяти девяти его римских сонетов был опубликован с согласия автора — сонет *Er padre e la fìjja*, написанный 25 сентября 1835 года под впечатлением игры Амалии Беттини в спектакле труппы Маскерпы на сцене римского театра «Валле». Еще несколько сонетов в разное время были напечатаны в газетах не только без ведома Белли, но и в искаженном виде, от чего поэт неизменно приходил в ярость: такая слава ему, слишком ревниво относившемуся к каждому слову в каждом своем сонете, была не нужна, хотя самолюбию автора не могло не льстить, что его стихи ходят в рукописи по Риму, а знакомые нередко просят почитать им что-нибудь из последних вещей на романеско.

Итак, своей известностью в Риме Белли был обязан явлению, которое сто с лишним лет спустя получило в далекой от Италии стране название «самиздат». По определению интернетовской «Википедии», это явление представляет собой «способ неофициального и потому неподцензурного распространения литературных произведений, а также религиозных и публицистических текстов в СССР, когда копии изготавливались автором или читателями без ведома и разрешения официальных органов». Далеко не все из написанного Белли на романеско, что становилось достоянием римлян благодаря самиздату, было крамолой, но нередко простолудины, «подслушанные» поэтом, покушались в своих словоизлияниях на авторитет церковной власти, которая одновременно являлась властью светской.

Набожность римлян не мешала им, мягко говоря, непочтительному отношению к служителям культа — от дьячков и священников до представителей высшего духовенства, включая Папу. А поскольку римляне были остры на язык, характеристики, даваемые ими клерикалам, приобретали особую выразительность благодаря непечатному слову, уместному, с их, римлян, точки зрения, в разговоре на любую тему.

Первым Папой, которого Белли удостоил вниманием, был шестидесятивосьмилетний кардинал Кастильони, избранный конклавом после смерти Льва XII и взявший имя Пий VIII. 1 апреля 1829 г., на следующий день после избрания, новый Папа проследовал во главе процессии из Квиринальского дворца, где проходил конклав, в собор Святого Петра, и в тот же день стал героем одного из первых сонетов, не забравших требовательным к себе автором. Привожу этот сонет в своем переводе:

Пий VIII

Такого Папу выбрать! Просто любо!
Грешно равнять, но вылитый хахам.
Детей, когда не слушаются мам,
Пугать бы им — дурных учить уму бы.
Весь в лишае, кривой, во рту ни зуба,
И двух шагов пройти не в силах сам.
Родню свою пристроить там и сям
Успеет ли? Боюсь, не дал бы дуба.
Глядите, кто наместником Христа
Стал на земле! Какая срамота!
Вареная мошонка с тухлым фаршем!
Прислуга ювелира, зная, была
Правда, когда сказала: «Ну, дела!
Такое чучело поставить старшим!»
1 апреля 1829

Впервые перевод был напечатан в июльском номере журнала «Иностранная литература» за 1984 г. — меньше, чем через два года после смерти Брежнева и через пять месяцев после смерти сменившего его на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Андропова. На смену Андропову пришел Черненко, пришел не надолго, на год, но одного года хватило для того, чтобы, глядя на этого больного человека, вспомнить и дряхлого, с кашей во рту, Брежнева, передвигавшегося на глазах у миллионов телезрителей с посторонней помощью, и Андропова, который, согласно «Википедии», «последние месяцы своей жизни был вынужден управлять страной из больничной палаты кремлёвской клиники».

В один из коротких зимних вечеров 1985 г. — это было вскоре после смерти Черненко — я выступал с чтением переводов из итальянской поэзии в общежитии Московского Физико-технического института. Холод, край города, в небольшом помещении — от силы полтора десятка слушателей (как тут не вспомнить строки Слуцкого: «Что-то физики в почете. // Что-то лирики в загоне!»). Не стану гадать четверть века спустя, с чего я начал чтение, — скорее всего, с *Tanto genile e tanto onesta pare...* из «Новой жизни» Данте, потом, наверно, был Петрарка, потом кто-то еще, и, наконец, — Белли, его «Пий VIII». Дохожу до второго катрена, и тут со мной происходит то, чего не было никогда раньше во время чтений на публике: видя умирающих со смеху слушателей, я начинаю смеяться сам. Реакция студентов мне понятна: Пий VIII напомнил им одновременно Черненко и Брежнева. Не удивительно, что я сразу вырос в глазах будущих физиков, которые дружно приписали мне чужую смелость — смелость Белли.

Среди переведенных мной в разное время римских сонетов немало таких, реакция читателей и слушателей на которые воскрешает в памяти историю в общежитии Физико-технического института, но что-то, к счастью, перестало восприниматься как сочинение на злобу дня, не потеряв, опять же к счастью, других своих достоинств. Одно из таких сочинений — «*Li cancelletti*». Сонет, написанный 2 октября 1831 г., нельзя назвать запоздалым откликом на указ Льва XII, закрывший двери питейных заведений: после смерти этого поборника трезвости прошло уже два года, а римляне все еще не простили ему окошек, через которые их заставляли покупать вино, лишив возможности «хорошо посидеть», как сказали бы мы сегодня.

Окошко (*Li cancelletti*)

Ну папа! Показать надумал хватку,
Забрал у нас, что Богом нам дано:
Через окошко продавать вино
Велел на вынос. Будто для порядку.
С дружками горло промочить с устатку
Шел в погребок еще не так давно
Работный люд — и вдруг запрещено,
Взял и поставил супостат рогатку.
Ну мог ли хуже поступить с людьми
Святейший папа, черт его возьми
И мамочку его с сыночком вместе?
Понятно, слово папское — закон,
Хозяин все же. Но подойдет он —
И снова будем пить на старом месте.
2 октября 1831

Перевод «Окошка» был напечатан впервые в том же номере «Иностранной литературы», что и перевод «Пия VIII», то есть за десять месяцев до знаменитого Постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Предложи я этот сонет редакции журнала годом позже, его публикацию сочли бы, говоря бюрократическим языком, нецелесообразной: уже само название советского документа роднило оный с Папским указом. Реакция пьющей (считай, значительной) части населения СССР на Постановление высшего партийного органа страны совпадала с реакцией римлянина, от лица которого было написано «Окошко», на запрет пропустить стаканчик-другой в привычном месте. Что думал по этому поводу вышеупомянутый римлянин, мы знаем от Белли, а вот о том, как отнеслись пьющие строители коммунизма к предписанию магазинам торговать спиртным с 14 до 19 часов, говорит анонимная частушка:

В шесть утра поет петух,
в восемь — Пугачева.
магазин закрыт до двух,
ключ — у Горбачева.

Начало еще одного отклика на советские антиалкогольные «меры» навеяно первыми словами популярной в то время песни: «На недельку, до второго, я уеду в Комарово...»

На недельку, до второго,
закопаем Горбачева,
откопаем Брежнева,
будем пить по-прежнему.

Разница между «...подойдет он — и снова будем пить на старом месте» (Белли) и «закопаем Горбачева.., будем пить по-прежнему» (русский фольклор) в одном: итальянскому поэту не грозила даже анафема, а вот автору анонимной русской частушки, если бы его «вычислили», не поздоровилось бы (в первой половине 1985 г. еще ничто не предвещало изменения отношения власти к диссидентам, что подтверждала продолжавшаяся ссылка Сахарова).

Можно предположить, что одной из причин высокой оценки Гоголем сонетов Белли было содержание тех из них, где автор «Ревизора» видел параллели между жизнью папского Рима, столицы теократического государства, и жизнью гоголевского Петербурга, столицы Российской империи. Папской области и Российской

империи больше нет, но многие мишени Белли никуда не делись, так что стрелы его сонетов всеоружно разлетаются по сегодняшней Италии, долетая и до сегодняшней России.

25 февраля 2010 г. в аварии на Ленинском проспекте в Москве, спровоцированной мерседесом вице-президента компании «Лукойл», погибли две женщины, ехавшие в Ситроене. Следствие, как и можно было ожидать, сделало все, чтобы оправдать водителя мерседеса. При отсутствии во времена Белли автомобилей в роли шофера за рулем начальственного мерседеса мог выступать кучер какой-нибудь важной особы — например, кардинала. Впрочем, это ничего не меняет.

Карета кардинала (La carrozza d'un cardinale)

Где Каччабове делается уже,
Ну прямо настоящая кишка,
Мчал кучер не простого седока,
А кардинала, что гораздо хуже.
И этот чертов кучер, важный дюже,
Чем всех предупреждать издалека:
«Поди! Поди!» — сбил, сволочь, старика
И переехал колесом к тому же.
Ну, люди полумертвого с земли
Подняли, на руках домой снесли, —
Как тут не пособить хоть в самом малом!
Сказать тебе, что будет с лихачом?
Увидишь, кучер будет ни при чем,
Всегда при чем, который пешедралом.
9 февраля 1833

Итальянцы уверены, что такой бюрократии, как у них в стране, нет нигде в мире (это мнение, впрочем, оспаривают те из жителей Италии, кому приходилось обращаться за визой в Российские консульства, будь то в Риме или в Милане). Данный вид «патриотизма» присущ не в меньшей мере и моим соотечественникам, если они не принадлежат к числу граждан, открывающих двери начальственных кабинетов ногой. Белли и тут интернационален.

Канцелярии (L'uffisci)

Такое время, доченька, настало,
Что жалости нет в людях ни на грош.
Кто их подмаслит, гадов, тот хорош,
А ты хоть помирвай, им дела мало.
Я взад-назад ходить уже устала,
Кажинный божий день одно и то ж,
Гоняют: завтра утречком придешь,
Я прихожу — и все опять сначала.
Я всех святых на небе допекла
Молитвами — зря тужилась, кулема,
Ничуть не продвигаются дела.
То вышел человек, то нет приема,
То рано, вишь, то поздно, вишь, пришла.
Коль не нужда, я бы сидела дома.
3 декабря 1832

Тема моего выступления, не претендующего на то, чтобы называться в полном смысле слова докладом, позволяет мне привести в заключение еще несколько сонетов Белли, которые в этом контексте можно оставить без комментариев.

Новый указ (L'editto pe tutto l'anno)

Сперва наклейщик стену мазал клеем,
Потом на стену прилеплял указ,
А люди любопытные у нас,
Сбежались грамотей за грамотеем.
Чего там прописали? Поглазеем,
Чего для нас держали про запас,
Что делать не велят на этот раз,
На что еще мы права не имеем.
Вперед пролез который в парике,

Читал, читал и проворчал в запале:
«Строчат, а у самих труха в башке».
Но сколько бы на власть мы ни ворчали,
Нас как зажали, держат в кулаке,
А мы похныкали и замолчали.
24 ноября 1831

Любовь к мертвым (L'amore de li morti)
У нас все люди — добрые внутри,
Святое милосердие наша сила,
Всех нас любовь к покойникам сплотила.
Не веришь? Сам помри и посмотри.
В колокола ударят звонари,
Зажгутся свечи, закадят кадила, —
Капелла, индургенции, могила, —
Всем хватит дел, ты, главное, помри!
А для живых у нас свои поблажки:
Власть паспорта пожаловала им,
Налоги, штрафы, дыбы, каталажки.
И все равно в сто раз, как таковые,
Живые лучше хоть бы тем одним,
Чем мертвые, что, черт возьми, живые.
19 сентября 1835

Надежный источник (Perzona che lo po' ssapè)
Пусть и не сам, пусть по чужой указке,
Но все-таки один высокий сан
Уверил двух приезжих англичан,
Что маски в нашем городе не сказки.
Со мной, увы, судьба скупа на ласки,
Ну и не больно надо! Был бы дан
Мне повод, чтобы я, от счастья пьян,
Разгуливал с утра до ночи в маске.
Эх, если б карнавалов было два —
Один до мая длился или позже,
Второй, за ним, уже до Рождества!
Но с нашим Папой каши не сварить,
А жаль, поскольку с маскою на роже
Не страшно в Риме правду говорить.
17 января 1838

-
1. Белли Джузеппе Джоакино. Римские сонеты. М., 2012. 260 с.

References

1. Belli Dzhuzeppe Dzhoakino. Rimskie sonety [Roman sonnets]. Moscow, 2012. 260 p.

Solonovich E.M. "Russian dissident" Giuseppe Gioachino Belli. The paper explores creative work of Giuseppe Gioacchino Belli, (1791—1863), an Italian poet whose satirical sonnets about papal Rome in the early 19th century can be compared to life in modern Russia.

Keywords: Belli, Gogol, Pope, Brezhnev, Gorbachev, samizdat.

Сведения об авторе. Евгений Михайлович Солонovich — поэт, переводчик, член Союза писателей Москвы, командор ордена Звезды итальянской солидарности, лауреат ряда итальянских литературных премий, в том числе Государственной премии Италии в области художественного перевода, а также ряда российских премий, включая премию «Мастер» Гильдии Мастера литературного перевода». Почетный доктор Римского университета «Сапиенца» и почетный профессор Сиенского университета.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.